

ПУБЛІКАЦІЯ АРХІВНИХ ДОКУМЕНТІВ

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ ПАВЛА РОЗЕНТАЛЯ ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ ПЕРІОД ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ (1900–1902 РОКИ)

(продовження, початок у № 4(315) та № 5–6(316–317) за 2018 р.)

Публікується продовження спогадів члена ЦК Бунду. На основі документів ЦК Бунду та спогадів інших членів цієї організації спростовано авторство М. Рафеса. У наведеній частині документа увага приділена шифруванню кореспонденції, транспортуванню літератури, організації співробітництва з місцевими осередками партії. Також автор зупиняється на питаннях співробітництва з іншими революційними організаціями: польською соціал-демократією та партією соціалістів-революціонерів.

Ключові слова: Бунд; шифрування; соціал-демократія; робітничий рух.

Нижче наводимо завершальну частину спогадів члена ЦК Бунду, що присвячені діяльності цієї організації в 1900–1902 рр. У попередніх публікаціях автором спогадів ми називали М. Рафеса, однак у процесі розробки теми з'ясувалося, що цей документ належить іншому видатному діячеві Бунду Павлові Ісааковичу Розенталю (псевдоніми «П. Роль», «Анман», «доктор Носон»). Висновок про авторство П. Розенталю заснований як на змісті наведених спогадів, так і на резолюції ЦК Бунду, присвяченій III з'їзду організації. У наведеній нижче частині спогадів автор багато уваги приділяє шифрувальній справі. Зокрема, називає себе автором роботи з шифрування, що була видана в Жене-

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

ві 1904 р. під псевдонімом «Бундівець»¹, та наводить винайдену ним систему шифрування повідомлень (яка, до речі, не представлена у зазначеній праці з міркувань конспірації). В історіографії ця праця асоціюється саме з П. Розенталем². Його авторство підтверджується й спогадами Г. Лур'є, з яким він тісно спілкувався, перебуваючи на засланні³. Крім того, у резолюції ЦК Бунду, присвяченій III з'їзду, делегатом від Білостоку називається саме П. Розенталь, М. Рафес з-поміж учасників цього з'їзду взагалі не зазначений⁴. Отже, можемо стверджувати, що автором спогадів «Білостоцький період у житті ЦК Бунду» є П. Розенталь.

Текст спогадів обривається на описі арештів, що відбулися по завершенні конференції Бунду. Тоді ж було заарештовано й П. Розенталя. «Я з дружиною були заарештовані в Білостоці 31 березня 1902 року, через два дні після закриття згаданої Білостоцької конференції, організації якої ми сприяли і в якій я брав участь як член Центрального комітету Бунду» – так згадував про цей епізод у своїй книзі «Романівка» сам П. Розенталь⁵. Дружина П. Розенталя Ганна також брала активну участь у житті Бунду, була делегатом від Білостоку на IV з'їзді.

У лютому 1904 р., перебуваючи на засланні в Якутську, Павло та Ганна взяли участь у відомому «Романівському протесті»: 57 засланців різних політичних напрямків, протестуючи проти порушення їхніх прав (циркуляром іркутського генерал-губернатора П. Кутайсова був посилений адміністративний нагляд у місцях поселення політичних засланців, скасовано відправлення тих, що відбули термін, з Якутії на батьківщину за казенний рахунок, обмежено приватні поїздки засланців до Якутська і т. д. Дві партії етапованих зазнали побиття з боку конвою), підняли над хатою якута Романова червоний прапор і 18 діб тримали оборону, не даючи стрільяниною наблизитися місцевій поліції. Саме П. Розенталь був головним противником здачі, а згодом переправив за кордон для публікації всі основні документи й промови підсудних «Романовського процесу».

П. Розенталь був амністований після виходу Маніфесту від 17 жовтня 1905 р. Він перебрався у Вільно, де став постійним співробітником, а згодом й членом редакцій перших бундівських легальних газет «Векер» та «Фольксцейтунг». Був прихильником об'єднання Бунду та РС-ДРП у єдину партію. Як газетний працівник, був усунений від місцевої партійної роботи з метою запобігти розкриттю нелегальної мережі Бунду через агентів, що стежили за редакціями легальних органів.

Під час Першої світової війни П. Розенталь працював лікарем на фронті. У грудні 1917 р. взяв участь у бундівському з'їзді та увійшов до складу ЦК як представник лівого крила. Згодом П. Розенталь відійшов від активної участі у політичному житті, сконцентрувавшись на публіцистичній діяльності. Саме в цей період, на початку 1920-х ро-

ків, й були написані ці спогади. Помер П. Розенталь 29 лютого 1924 р. у Вільнюсі⁶.

Спогади П. Розенталя є цінним джерелом для вивчення початкового періоду існування Бунду, особливо повсякденного життя цієї організації. Так, автор розкриває шифр, яким користувався Бунд, описує налагодження контактів з есерами та польськими соціалістами. Свідчення П. Розенталя відкривають перспективи для подальших досліджень різноманітних аспектів діяльності організації на початку ХХ ст.

¹ *Бундовец А.* Шифрованное письмо. Критика употребляемых у нас систем шифра. Женева. 1904. 113 с.

² *Уральский Ю.* Расшифрованные письма из переписки редакции ленинской газеты «Искра» // Археографический ежегодник. 1983. С. 126–130.

³ *Лурье Г.* Ушедшим «Романовцам». Павел Исаакович Розенталь // Каторга и ссылка. № 2(15). 1925. С. 236.

⁴ *Бунд.* Документы и материалы. 1894–1921 / сост: Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова. Москва. 2010. С. 77.

⁵ Цит. за: *Синельников А.* Шифры и революционеры России. Москва. 2000. С. 87.

⁶ *Лурье Г.* Указ соч. С. 235–245.

Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)

[1921–1924]

8. Сношения, переписка, шифры, транспорт.

Сношения с городами и местечками велись разными способами. Нередко приезжали к нам в Белосток видные работники из разных мест посоветоваться по какому-нибудь делу, составить или привезти для печатания листок, получить «назначение» и т. п. Приезжал Борис Фрумкин из Витебска, Альберт Залкинд и Яша Каплан из Минска, Койген (впоследствии Ионов) и чаще жена его, из Гродно, где они поселились по возвращении из ссылки, навещали нас Исаак Мицкун, Миша Гольдман (Либер). Из-за границы приезжал несколько раз Франц (Блюмин, Штейн). Побывали на нашей квартире приехавшие на съезд из Лондона Аркадий Кремер и из Швейцарии Федор Гурвич (Дан) и Михаил Коган (Гриневич).

Из представителей чужих партий упомяну здесь только о Гершуни и Трусевиче. Первый приехал к нам в Белосток в конце 1901 года, чтобы поговорить о координировании действий и едином революционном фронте. Тогда формировалась партия социалистов-революционеров, и Гершуни был душой этого дела. После объезда городов он приехал к нам вторично в декабре. Он производил впечатление открытого, добродушнейшего человека, чуждого теоретического мудрствования и партийного политиканства. Соглашения, конечно, не последовало, но это не помешало нам провести

совместно у нас очень хороший вечер за дружескими рассказами и спорами. Как раз в этот день у нас в городе удачно прошло на нескольких собраниях празднование юбилея декабристов. Он поразился, когда узнал, как скромнен бюджет Бунда. Он не мог себе представить, чтобы на ничтожные средства, исчислявшиеся несколькими тысячами в год, можно было развить такую сравнительно широкую деятельность. Он нашел, что Бунд «бедная организация», а потом поправился и прибавил: Бунд бедная, но веселая организация.

Трусевич («Станислав») был тогда альфой и омегой Польской Социал Демократии. Бунд находился с ней в приятельских отношениях и оказывал поддержку, чем только мог. Еврейский пролетариат был сильно заинтересован в развитии сознания у польских и русских рабочих. Но партия Трусевича была тогда чрезвычайно слаба. Он почти мог сказать про себя: партия – это я. Он часто показывался в Белостоке, заезжал и заходил к нам на квартиру, иногда спасаясь от преследовавших его шпионов. Своими рассказами о непрерывном за ним слежении он часто производил впечатление ненормального человека. Он часто перекрашивал свои усы и волосы на голове. Раз, спасаясь от шпионов, он прятался у нас целую неделю. Однажды я должен был разыскать его, чтобы поговорить с ним по делу о союзе кожевников. Я попал прямо на съезд Польской С.Д., заседавший уже второй день. Этот «съезд» состоял всего из 3 человек, в том числе был и сам Трусевич. Другой был чахоточный рабочий, который скоро вошел в состав федеративного союза кожевников.

Гораздо чаще и регулярнее происходили сношения с городами посредством переписки. Вел ее обычно Ноах, была она шифрованная. Писали между строк химическими чернилами, обычно слабой серной кислотой. Во время деловых разъездов Ноаха переписку вел я.

Адреса для приходящих писем давались нам местными рабочими и интеллигентской группой. Доставляли их в достаточном количестве Рахмиил, Довид, Мордхай и др. Они же приносили нам приходившие письма, не имея ни малейшего представления, что это для Ц.К., так как никто в Белостоке не знал, что здесь центр Бунда. На этой почве раз вышел забавный инцидент.

Я уже говорил, что Белостокский Комитет составлялся сверху. Это не могло нравиться организации, и агитация за избираемость Комитета не прекращалась, пока не пришлось уступить и предоставить агитаторскому собранию выборы Комитета. Выборы дали вполне желательный для нас состав, прошли те, за кого мы сами голосовали. Кроме прежних (Бенче, Абрама, Анны и меня) попали в Комитет Рахмиил, Довид и Мордхай. Однако после первого же или второго заседания все трое перестали являться. Это было настолько необычно, что мы сразу заподозрили неладное. Происходила явная забастовка. Скоро удалось выяснить, в чем дело. Новые члены Комитета с удивлением констатировали на заседаниях, что приходившие письма не докладывались и что вообще вопросы «высшей политики» не ставились на обсуждение, из чего они умозаключили, что выборы были только комедией, что этот якобы Комитет есть только ширма, за спиной которой действует прежний, без них. И они решили нас бойкотировать. Нечего было делать, пришлось им раскрыть факт существования в Белостоке «самого» Ц.К. Бунда, и тогда тучи рассеялись, и добрые отношения восстановились.

Обычный шифр, который употреблялся тогда был квадратный. Чертили квадрат, разграфляли его десятью поперечными и десятью продольными

линиями на 100 клеток. Условное слово из 10 букв, напр., ארענדאסקעל¹ писалось снизу вверх в десяти клетках первого столбца, а в следующих клетках той же горизонтали писались в последовательном порядке дальнейшие буквы алфавита, а по окончании его, писали азбуку с начала. Таким образом, третий ряд имел бы такой вид ט-ס-פ-צ-ק-ר-ש-ח-א-ב.

В таком третьем ряду пятая буква будет ק и она обозначается числом 35, т. е. ряд № 3, буква № 5. Обыкновенно слова и азбука брались русские.

Эта система могла условно усложняться в разных направлениях. Употреблялись и другие системы, более или менее остроумные. С разными городами были различные ключи, которые в общем были мне известны.

Но иногда во время отлучек Ноаха приходили письма, написанные по неизвестному ключу, потому ли что Ноах забыл его сообщить или потому, что корреспондент просто перепутал систему или ключ. Тогда я пытался расшифровать письмо без ключа, путем кропотливого анализа и угадывания. И к великому изумлению мне это всегда удавалось. Тогда я убедился, каким самообманом является наша хваленая шифрованная переписка. Позднее, сидя в тюрьме я, чтобы скоротать время, написал своего рода трактат о шифрованном письме, который был напечатан в 1904 году в Женеве за подписью А. Бундовец.

Однажды засели мы с Ноахом и решили реформировать нашу переписку и ввести новый однородный шифр, который был бы прост и в то же время труден для разгадки. Мы взяли слово אקציומהרגלא², содержащее 11 различных букв, т. е. половину еврейского алфавита. Под ними мы написали в последовательном порядке остальные 11 букв:

ק	ח	א	י	ו	מ	ה	כ	ך	א	ל
ת	ש	פ	ע	ס	נ	ב	ט	ז	ד	ג

Принципы были следующие: 1) каждая буква верхнего ряда заменяется буквой под ней находящейся, и наоборот и 2) вместо буквы пишется задом наперед число, соответствующее ее значению в алфавите. Так, вместо ל пишется 3 (א), а вместо א – 03 (ל = 30). Вместо ו – 06, а вместо ס – 6. Числовое значение ח, ש, כ, ק писалось вместо 100, 200, 300, 400 – 0,1; 0,2; 0,3; 0,4. Но употреблялись и дополнительные знаки 0,5; 0,6 – для изображения א; 0,7 для ח; 0,8 и 0,9 для י и 00; 0,0 для א. Кроме того были несколько других условных обозначений напр., 09 для ח и 0'9 для ח и т. д. Напр. слово אקציומהרגלא³ изображалось так: 09010,20,79706903.

Таким образом этим способом можно было писать по еврейски и по русски, меняя язык. Усваивался он так легко, что им писалось, как обычным, простым письмом. Он немедленно вошел во всеобщее употребление и продержался в Бунде до самой революции. Говорят, что зашифрованный по этой системе список адресов, найденный однажды в Вильне при обыске, стал известен Департаменту Полиции. Но шифр вряд ли был раскрыт. Не надо забывать, что Сроль Михель Каплинский знал очень хорошо этот «бундовский» шифр. Сидя в тюрьме и работая над шифрами, я увидел что и этот придуманный нами шифр, при всем его остроумии ни коим образом

не является неразрешимым. Он содержал в конце концов только три десятка знаков, т. е. почти столько же, сколько букв. А такую систему считать забронированной никак нельзя. Его разгадка затруднялась только смесью русского с еврейским.

Скажу еще несколько слов здесь о транспорте литературы через границу. Одно время он был хорошо налажен, через щетинщиков, район которых прилегает к границе. Но потом эти пути провалились. Было одно время, когда на границе происходили систематические провалы. Со второй половины 1901 года Заграничный Комитет стал присылать литературу в чемоданах с двойной обшивкой. В марте 1902 года, когда многие заграничные студенты и студентки возвращались в Россию на пасхальные каникулы началась настоящая вакханалия с посылкой таких чемоданов. Все это направлялось в Белосток и почти всегда попадало в нашу квартиру. Каждый приезжал с двумя чемоданами, в двойных стенках которых скрывались обычно 20 фунтов литературы. Почти все русские экземпляры юбилейного номера *שמיטע ערצערבאך*⁴ были доставлены таким образом. Кроме того другие издания Заграничного Комитета и много пропагандистской литературы на еврейском, русском и польском языке, прислана была даже партия немецких брошюр.

9. Рост рабочего движения в Белостоке.

За это время успехи агитации и пропаганды в Белостоке становились с каждым днем все ощутительнее и заметнее. Число организованных членов осенью 1899 года не превышало 200. Через два года на политических собраниях присутствовало уже не менее 700 членов. Выпущенная Комитетом в начале 1900 года прокламация к приказчикам с призывом организовать возбудила величайшее негодование агитаторского собрания и впервые поставила вопрос о правомочности Комитета самостоятельно выпускать листки. Причиной этого шума было то, что прокламация упоминала в последних строках о социализме. Рабочие считали, что этим отпугиваем массу, что ее надо поднимать апеллированием только к самым повседневным элементарным ее интересам – повышению заработка, укорочению рабочего дня и т. п. Это было явным наследием теории «стадий» в рабочем движении.

Скоро все это изменилось. Агитация принимала все более политический и социалистический характер, и масса все более на нее откликалась. Помимо воздействия литературой устраивались часто собрания, в особенности в то время года, когда можно было пользоваться лесом. Устраивали первомайские собрания, праздновали юбилей Бунда, Арбайтер Штимме, Декабристов, и особенно хорошо прошли мартовские собрания 1901 года, когда одновременно праздновали 30 ление Парижской Коммуны, юбилей революций 1848 года и годовщину смерти Карла Маркса.

За это же время образовался и сложился в Белостоке новый профессиональный союз – кожевников, о котором я уже упоминал несколько раз. Распределение кожевенного производства до известной степени напоминало щетинное. Оно тоже группировалось крупными гнездами в нескольких городах и местечках. Такими центрами для еврейского производства были Вильно, Белосток, Сморгонь, Ошмяны, Крынки, Заблудов, Шишловичи, Скидель и т.д. Поэтому очень скоро явилась среди кожевников мысль

объединиться подобно щетинщикам в единый союз. Душою этих стремлений был Абрам дер тате. К нему сходились нити связующие со всеми этими пунктами. В Arbeiter Stimme существовал уже постоянный особый отдел корреспонденций под названием «Что слышно у кожевников». Зимой 1900 года образована была своего рода организационная комиссия для выработки конституции будущего союза и подготовки открытого его выступления. В нее вошли кроме Абрама, кожевники Мордхай и Бендет, Оля (Ханка, Анна Розенфельд), Лейзер (Бейнуш, Избицкий) и я. Мы решили здесь впервые применить федеративный принцип, так как союз должен был обнимать рабочих всех трех национальностей – еврейских, польских и русских. После того, как IV съезд в специальной резолюции о кожевниках одобрил такую конструкцию, мы выработали подробный статут и по поручению комиссии я написал «Манифест Всеобщего Федеративного Союза Кожевников». Он был издан на всех 3 языках и был перепечатан целиком на своих столбцах «Искрой». Замечательно, что она не сделала никакого сердитого замечания по поводу федеративного устройства этого союза, хотя полемика против резолюции IV съезда о федеративном устройстве партии велась ею с большим ожесточением. Союз стал, по примеру щетинщиков, издававших וועקער טעג⁵, выпускать свой орган, который назывался קאמפער טעג⁶. Предполагалось, что каждая национальная секция будет выпускать его на своем языке. Главным редактором его был Бейнуш.

«2-ой съезд Росс. С.Д.Р.П.» (белостокская конференция)

Этим последним эпизодом нашего пребывания в Белостоке я закончу свое растянувшееся изложение, причем ограничусь только несколькими штрихами. Подробно об этой попытке восстановить Партию я напишу, быть может, в другой раз. Удача IV съезда окрылила нас и мы подумали, что окажемся в силах созвать съезд Партии, собрать рассыпанную храмину этой всероссийской с.д. организации, которая исчезла сейчас же по своем рождении и оставалась существовать, как некоторые тогда иронически выражались, только на обложках с.д. изданий. Нам казалось, что если нам удастся совершить это дело, которое до сих пор не удавалось никому, несмотря на все попытки, если съезд благополучно пройдет и будет выбран объединяющий руководящий центр в лице авторитетного Ц.К., то быть может удастся создать единый социал-демократический фронт, будет внесен мир между враждебными течениями и очистится атмосфера межфракционной грызни. Одну попытку созвать съезд сделал в 1900 году «Союз Русс. С.Д. за границей», отправив для этой цели в объезд организаций своих членов Тимофея (Копельзона) и П. Теплова. Организатором в самой России был представитель Южного Рабочего⁷ «Шлеймке» (Андрей, Абрам Гинзбург). Съезд должен был состояться в Смоленске, но из этой попытки ничего не вышло. Еще раз объезжал комитеты с этой целью в 1901 году представитель того же заграничного «Союза» Михаил Коган (Гриневич), но он повсюду наталкивался на противодействие со стороны «искровских» организаций.

Дело наше было трудное, так как такое противодействие и по отношению к нашей попытке не подлежало никакому сомнению. Мы устроили совещание с приехавшим из СПб Сергеем (Неманский) и поделили между собою функции таким образом. Ноах возьмет на себя объезд комитетов Юга, Сергей

поведет сношения с северными организациями. Я возьму на себя техническую подготовку съезда. Денежные средства от имени Петербургского Союза Борьбы обещал предоставить в достаточных размерах Сергей.

Мы решили созвать съезд все в том же Белостоке. Мы отдавали себе полный отчет в опасности, которой мы подвергаем нашу резиденцию, так как помнили Бундовский провал 1898 г. в связи с созывом *первого* съезда Партии в Минске. Вообще, у нас существовало убеждение, что всякая такая крупная встреча с российскими организациями, в недрах которых скрывается немало провокаторов, даром пройти не может. Тем не менее все таки пришлось остановиться на Белостоке, так как только здесь под личным нашим наблюдением можно будет принять все необходимые предосторожности, и если только члены съезда не наташат с собой слишком много филеров, то он сможет благополучно пройти с внешней стороны.

Ноах отправился в объезд в январе 1902 года. Эту миссию он соединил с обследованием бундовских организаций Юга согласно конспиративной резолюции IV съезда. Эту вторую миссию один из тогдашних деятелей «Южного Рабочего» шуточно назвал недавно в разговоре со мною «империалистической», так как целью ее «было завоевание Юга».

Я взялся за оборудование помещения для съезда. К сожалению, денежные средства, данные СПб, оказались гораздо мизернее, чем были обещаны. Поэтому пришлось значительно сократить размах при найме и мебелировке квартиры. Быть квартиронанимателями согласились не без колебаний кожевник Алтер из Бердичева и портниха Этка, под видом его жены. Главной неприятной стороной тут была перспектива на 1 1/2–2 месяца отказаться от местной работы и от принятия гостей для того, чтобы об этой квартире никто не знал и чтобы она была защищена от взоров шпионов. Они разыскивали более или менее подходящую квартиру из 3 комнат, с удобным расположением на одной из боковых улиц, вне еврейских рабочих кварталов. Мы с Анной оправились, под видом родственников Алтера, на нее взглянуть и нашли ее годной, исходя из того, что более 15–16 делегатов, вероятно, не соберется.

Денег было недостаточно. Выложить свои было невозможно – Бунд, ведь, был бедной, хотя и веселой организацией. Пришлось ограничиться самой скромной мебелировкой из нескольких столов, кроватей, шкафов и т.п. Всего этого было мало для «обывательской» четы, снимающей «приличную» квартиру из 3 комнат с кухней, и Этка чувствовала себя весьма несчастной в тот момент, когда она въехала во двор на глазах домохозяина и жильцов с таким жалким *לולללל'ש'ק'ט*. Уважение к ней со стороны хозяина, наверное, упало тогда на три четверти, и она долго не могла успокоиться.

До последней возможности не сообщалось никому ни срок съезда, ни город, ни явки. В начале марта я съездил в СПб для выяснения положения дел. Тогда же мне пришлось побывать на Казанской демонстрации 4 марта, присутствовать при диких сценах избиения студентов (били все в затылок) и тут же отправил описание демонстрации в Лондон в нашу заграничную типографию для «Последних известий». Ноах благополучно вернулся из объезда.

В назначенное время стали съезжаться делегаты. Около 22 марта приехал к нам Аркадий Кремер из Лондона от Заграничного Комитета Бунда и мы

отвели его на квартиру съезда. По указанным явкам приехали и другие делегаты. В субботу 24 марта явился к нам на квартиру Михаил Коган, приехавший от «Союза С.Д. Заграницей» с голландским паспортом. Он зашел было с вокзала по данной ему явке к акушерке Соне Лейбович, но не застав ее дома, направился к нам. Уже через час мы убедились что у наших ворот стоит шпик. Это было зловещим мало обещающим симптомом.

Когда Анна уводила приехавшего из Нижнего Новгорода делегата от места явки на квартиру съезда, за ними следовал шпион, от которого она с трудом освободилась.

Всего оказалось 10 делегатов: от Петербургского Союза Борьбы Сергей и д-р Краснуха. От «Южного Рабочего» Осип Коган (Ерманский), от Екатеринославского Комитета Федор Шипулинский, от Нижнего Новгорода товарищ, которого не знаю фамилии, от «Искры» Федор Гурвич (Дан), от «Союза Русс. С.Д. Заграницей» Михаил Коган, от Загр. Комитета Бунда – Аркадий Кремер и от Ц.К. Бунда Ноах и я*. Это было весьма солидное для российских условий и данного момента собрание (в феврале были повсюду многочисленные аресты), но все таки недостаточно для съезда Российской Партии. Поэтому мы без больших возражений согласились на предложение Дана назвать себя лишь конференцией (такой мандат был ему дан «Искрой»). О том, как проходили работы конференций я поделюсь с читателями как-нибудь в другой раз, так как я безмерно вышел бы из отведенных мне рамок.

Конференция внутренне прошла вполне благополучно. Обсуждали вопросы мирно и деловито. Приняли текст майской прокламации, предложенный «Искрой», внеся туда ряд исправлений. Избрали Организационный Комитет для созыва 2-го съезда, в который вошли Дан, Ерманский, Ноах.

В четверг Михаил Коган уехал на вокзал и тут же был арестован.

¹ רעדנאסקעלא (идиш) – Александр.

² Це слово, на жаль, не вдалося перекласти. Можливо, це єврейський жаргонізм, використання якого в якості ключа мало ускладнити розкриття нового шифру.

³ קרוגרעטעפ (идиш) – Санкт-Петербург.

⁴ רעטעבראָ עמיטש (идиш) – «Робітничий голос».

⁵ רעד רעקעוו (идиш) – «Будильник».

⁶ רעד רעפמעк (идиш) – «Борець».

⁷ Соціал-демократична газета, що видавалася Катеринославським комітетом РСДРП у 1900–1903 рр. Виступала проти лєнінського централістського плану формування партії, відстоюючи принцип на основі обласних об'єднань.

* Пользуюсь случаем исправить неточность в изложении у Мартова в его вышедшей в 1918 г. «Истории русской С.Д.». Он называет только 6 делегатов, не упоминая о Кремере, Ноахе (Портном), Шипулинском и делегате из Нижнего Новгорода. Сергея Зельдова он ошибочно называет делегатом Ц.К. Бунда.

The continuation of memories of Bund Central Committee member is published. On the basis of the documents of the Bund Central Committee and the memories of other members of this organization, M. Rafes's authorship was denied. In the given part of the document attention is paid to encryption of correspondence, transportation of literature, organization of cooperation with local parties. The author also dwells on cooperation with other revolutionary organizations: Polish Social-Democracy and the Socialist-Revolutionary Party.

Key words: Bund; encryption; social democracy; labor movement.